

Е.И. АЛЕЩЕНКО
(Волгоград)

ОТРАЖЕНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О МУЖСКОЙ И ЖЕНСКОЙ СЕМЕЙНЫХ РОЛЯХ В ЯЗЫКЕ РУССКОЙ И БОЛГАРСКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКИ

Рассматриваются представления об основных семейных ролях мужчины и женщины, отразившиеся в русской и болгарской народной сказке. Основное внимание уделяется важнейшим для каждого из двух народов качествам мужа и жены, а также тем из них, которые являются наиболее предпочтительными при вступлении в брак.

Ключевые слова: этноязыковая картина мира, фольклорный концепт, народная сказка, базовые ценности этноса.

В. Аврамова, исследовавшая русскую и болгарскую картины мира, отмечает, что в обеих культурах сравнение мужчины с женщиной имеет постоянный негативный смысл. Так, в болгарском языке существуют слова и выражения, характеризующие пренебрежительное отношение к мужчине и при этом сравнивающие его с женщиной: *женка*, *женчо* (о бесхарактерном мужчине), *страхлив като жена* («трусливый, как женщина»), *мазна Гана* («подлиза, подхалим»), *мека Гана* («слабохарактерный человек»), *женски Пейо* («муж под башмаком»), *той е под чехъл* («подкаблучник»), *кокошка пее* (здесь: «жена всему дому голова»), *седя до полата на жена си* («держаться за юбку жены»). В русском языке известны такие пренебрежительные именованья мужчины: *баба*, *базарная баба*, *маменькин сынок*, *кисейная барышня*, *держаться за юбку жены*, *быть под каблуком / под башмаком (у жены)*. Исследователь отмечает как существенный факт, что в приведенном иллюстративном материале унижение мужчины и его качеств происходит посредством сравнения с принадлежащими женщине атрибутами: *чехъл* («шлепанцы», в русском варианте – «каблук»), *пола* («юбка») [1, с. 193]. В национальной языковой картине мира любого

народа неизбежно закрепляются представления о роли мужчины и женщины прежде всего в семье. Именно в пределах семьи они взаимодействуют особенно тесно, и именно в пределах семьи на первый план выходит вопрос о главенстве.

Испокон веков женщина была хранительницей домашнего очага, поэтому все хозяйственные заботы ложились на ее плечи. Быть хорошей женой значило быть хорошей хозяйкой. Лень для женщины считалась недопустимым пороком, что подтверждается многими источниками, например, в «Домострое»: «...сама хозяйка ни в коем случае и никогда, разве что занедужит или по просьбе мужа, без дела бы ни сидела, так что и слугам, на нее глядя, повадно было трудиться. Муж ли придет, простая ли гостья – всегда б и сама за делом сидела: за то ей честь и слава, а мужу хвала» [4]. Такое положение дел нашло отражение и в сказке, т. к. женщина-лентяйка в ней всегда порицается и наказывается (в отличие от героя-мужчины, который хотя и предстает в некоторых сказках лентяем, тем не менее не подвергается осуждению и даже «воцаряется»).

В женские обязанности входит приготовление пищи и ведение хозяйства (стирка и чистка белья, прополка, дойка, кормление птицы, содержание дома в чистоте и т.д.): *Пришла красная девица на просвирнин двор и напялась в работницы; дело у ней так и кипит под руками: и печку топит, и воду носит, и обед готовит* («Перышко Финиста ясна сокола», № 234); *А были у ее хозяйки три дочери большие. Старшая звалась Одноглазка, средняя – Двуглазка, а меньшая – Триглазка; но они только и знали у ворот сидеть, на улицу глядеть, а Крошечка-Хаврошечка на них работала, их обшивала, для них и пряла и ткала, а слова доброго никогда не слыхала* («Крошечка-Хаврошечка», № 100).

Однако трудолюбие в сказке не всегда оценивается как добродетель. Среди болгарских народных сказок неоднократно встречаются сюжеты, герои которых работают в праздничные дни, когда этого делать не полагается. Таковы, например, сказки «Змията и Радка», «Наказание», «Щастливият грях». При этом не все герои наказываются за свой проступок. Это за-

висит от побуждений, с которыми они приступили к работе. Так, крестьянин Начо («Щастливият грях»), будучи сиротой, всю жизнь батрачил на хозяев. И случилось так, что собственное поле ему пришлось пахать на Пасху. Герой мучительно переживает это: *Мъчно му било, че хората влизат в църква, а той впряга биволите. Усецал, ч еше стори грях, но нямало как да пропусне деня. Стигнал на нивата, просълзил се, прекръстил се и помолил Бога да му прости, че е принуден да оре на Великден* («Щастливият грях»).

И когда плуг зацепляется за что-то, Начо уверен, что это ему дано в наказание за его грех. Однако наказание оборачивается Божией наградой: бедняк находит клад! Теперь им овладевает удивление: за что же его, грешника, Господь награждает? И ему открывается Божья воля: *Тогавя Начо разбрал, че Господ се е погрижил да не оре на Великден, а да си има имане. Хем грях такъв да не стори, хем после да не гладува* («Щастливият грях»). Как видим, когда герой работает ради хлеба насущного, народный взгляд его оправдывает, и он получает от Бога снисхождение.

По-иному обстоит дело, когда в работе в праздник нет острой необходимости. В сказке, которая так и называется – «Наказание», героиня садится за шитье в Великий (Чистый) четверг. За это ее уносят в горы самовилы и заставляют танцевать с ними хоро. Та же ситуация описана в сказке «Змията и Радка»: красавица Радка решает в воскресенье выстирать на реке полотно из своего приданого. По дороге она видит на тропинке змею, которая прыгает на нее и обвиняется вокруг пояса. Девушка зовет на помощь парней, однако змея грозит карами тому, кто осмелится тронуть ее, и говорит, что она не змея, а само Святое Воскресение, и объясняет, в чем проступок Радки. Тогда решают позвать священников, чтобы они прочли над Радкой молитвы, и змея потихоньку уползает: *Оттогава Радка разбрала, че в неделя не се работи, и вече никога нищо в неделя не похващала* («Змията и Радка»).

Как видим, народные представления точно различают труд, жизненно необходимый, и работу, которая не требует срочности. К первому относят сельскохозяйственные работы, ко второй – рукоделие и работу по дому.

А в сказке «Няма прошка за хубост» героиня вновь попадает в руки самовилы не только потому, что вышивает в Пасху, но и потому, что проявляет своеволие: *Станала руса Стана рано сутринта на Великден, пременила се, нагиздила се и тръгнала да отиде*

на черква. Като я видяла така спретната и пременена, толкова хубава, майка ѝ рекла, че не бива да ходи толкова рано в черква, докато там са само младите църковни певци. Че те ще се загледат в нея и ще сбъркат великденската служба. Обидила се Стана от майчините думи, дръннала се. Взела гергефа си и отишла в градината да бродира.

Как видим, здесь грех заключается и в гордыне, и в непослушании матери, желании настоять на своем, что осуждается болгарской народной сказкой не меньше, чем работа в Святой Праздник. Не случайно и самовила оправдывает жесткость по отношению к Стане таким образом:

– *Ето ти, за да запомниш как се везе на Великден!* («Няма прошка за хубост»).

Своеволие и гордость жестоко наказываются в болгарской сказке «Жестоко проклятие», в которой младшая сестра проявляет непокорность и не реагирует на просьбы старших: *Една майка имала девет дъщери, една от друга по-хубави. Ала най-хубава бил най-малката – Драганка. Най-хубава и най-чевръста – не давала никой в нищо да я изпревари. Една заран Драганка решила да отиде с менците на кладенчето за вода. Сестрите ѝ взеля да я спират и да ѝ се карат. За вода край селото трябвало да ходи най-голямата сестра, да я видят момците, че е хубава и работна, да я харесат, та да се задоми първа. После втората сестра, след нея третата... Имало Драганка много да чака* («Жестоко проклятие»). Младшая сестра в этой сказке проявляет неуважение к старшим, нарушает традиции, за что проклинается ими. Отметим, что наказанными оказываются именно женщины, поскольку они являются исполнительницами «необязательных» работ, которые не требуется выполнять в строго определенные дни.

В русском фольклоре можно встретить отзвук языческих верований, также не позволяющих работать в определенные дни. В деревнях часто рассказывают былички о том, как Пятница наказывает женщин, нарушающих в этот день запреты на какую-либо работу, чаще всего запрет белить печь, расчесывать волосы, а особенно – пряхсть. Приходя к нарушительнице, Пятница в наказание колет ее веретенами или заставляет за одну ночь напрыхсть немислимое количество пряжи: *Села женицина пряхсть накануне пятници и пряхла до полуночи. Вдруг подходит какая-то девушка под окно и спрашивает у этой женицины:*

– *Прядешь?*

– *Пряду, – та отвечает.*

– Ну, на тебе сорок веретен и напряди их до рассвета, чтобы полны были, пока я вернусь из другого села. Как напрядешь, выкинь в окно.

Догадалась та женищина, кто это под окно подходил. Был у нее моток ниток. Схватила она его и стала наматывать на веретена. Наматает и в окно выкинет. Намотала все сорок веретен, встала из-за прялки, стала Богу молиться. На рассвете Пятница под окно приходит, видит – женищина Богу молится.

– Ну, догадлива ты. Быстро управилась. Иначе бы не прясть тебе больше никогда! – Схватила Пятница веретена, выброшенные женищиной, и разорвала их: – Смотри, как я эти веретена разорвала, так бы и тебе было, если бы дело не сделала. Ложись спать и больше не работай накануне пятницы.

Женищина стала просить у Пятницы прощенья:

– Прости ж ты меня, святая Пятница, не буду я больше работать в этот день и детям накажу [6, с. 23–24]. Как видим, вновь грех совершается женщиной.

В бытовых сказках подчеркивается прежде всего стремление жены перечить мужу, причем безо всяких оснований. И это основная причина отсутствия лада в семье: *худо с мужем жила; ничего мужа не слушала*. Осуждается именно непокорность жены: мужа она называет *вором*, а сй самой в сказке дается определение *злая*. Сказка осуждает даже жену, попытавшуюся сопротивляться мужу, который хочет ее побить.

У Антипки была распрезлющая жена да детей куча. Антипка – слово, баба – за рычаг да в бок норовит. Захочет Антипка проучить жену, возьмет кнут, а баба разорется-раскричится, до того разозлится, что выхватит из люльки ребенка за ногу и давай им отмахиваться; глаза вытаращит, пена у рта, черт-чертом! Не стало Антипке житья. Что стареет жена, то хуже («Сказка о злой жене», № 435). В этом эпизоде к героине относятся такие характеризующие ее слова, как *распрезлющая, разорется, глаза вытаращит, пена у рта, черт-чертом*. При этом признается законное право мужа на побои, что именуются *ученьем*. Как видим, злая жена и внешне обязательно некрасива.

«Батюшка, жениться хочу, матушка, жениться хочу!» — говорил добрый молодец. «Женись, дитячко!» И женился, выбрал себе бабу длинную, черную, косую;

понравилась сатана лучше ясного сокола, и пенять не на кого, сам себе виноват! Живет с нею и кулаком слезы утирает («Сказка о злой жене», № 436). В последнем эпизоде наконец осуждению подвергается и муж, но лишь за то, что ошибся в своем выборе, за что может винить лишь себя. Таким образом, в народном сознании существует представление о нормах поведения жены в семье. Основной ее добродетелью является покорность мужу, помимо этого она должна быть работающей.

В болгарской сказке о строптивой жене «Овчарят и неговата жена» («Овчар и его жена») говорится о том, что герой получил способность понимать язык животных и птиц. При этом ему под страхом смерти было запрещено открывать свою тайну кому бы то ни было. И однажды овчар засмеялся, услышав разговор своего коня и кобылы, на которой ехала его жена. Любопытная супруга непременно захотела узнать причину его веселья и не давала мужу покоя, требуя рассказать об этом. Овчар решил, что смерти не избежать: жена ведь вынудит его выдать тайну – и начал рыть могилу. В русском фольклоре есть сказка с аналогичным сюжетом, причем он развивается точно так же до следующего эпизода: хозяин слышит разговор домашних животных и птиц, которые осуждают его за то, что не может справиться с любопытной женой. В русской сказке герой, опомнившись, встает из гроба, куда уже лег, приготовившись к смерти, и решает лучше проучить жену за непомерное любопытство (что, кстати, и животные ему советуют в своей беседе). А болгарская сказка, что особенно примечательно, имеет другой финал: *Като чул думите на петела, стопанинът скочил, измъкнал се от ямата, изтупал се от пръстта и рекъл на жена си:*

– Слушай, жено, щом ти кажа тайната, която зная – свършено е с мене!

– Какъв е този трап? – попитала жената.

– Този трап ще бъде моят гроб.

– Ах, мъжо, мъжо, какво щяхме да направим? Мълчи, мъжо, мълчи! Не искам да ти зная тайната, само бъди жив и здрав! – викнала жената и го накара да по-скоро да зарине ямата.

Как видим, в болгарской сказке жена сама понимает, что совершила ошибку, и радуется, что еще не поздно ее исправить.

Замечательной иллюстрацией болгарского выражения *кокошка пее* (т.е. «в доме командует женщина») служит народная сказка «Кон за кокошка». Герой этой сказки, царь, был

очень строг с подданными, а боялся лишь своей жены. Однажды он спросил у своих советников, кто у них главный в доме: *Помислили съветниците, помислили, пък накрая си признали, че и те се боят от жените си като него* («Кон за кокошка»).

И тогда царь решил вместе с ними отправиться в поездку по стране и расспрашивать о том же самом всех встречаемых мужчин, при этом давая тем, кто признает главенство жены, курицу, а тем, кто назовет себя главой семьи – коня. И взяли с собой для этого двести кур и двести коней: *Всички мъже си признавали, че слушат жените си... Ходили и разпитвали царят и съветниците му, докато не остана нито една кокошка, а конете си стояли непобутнати* («Кон за кокошка»).

И наконец каменотес ответил на их вопрос:

– *Ако жена ми си позволи да ме управлява, с този голям чук ще и строша главата, така, както троша камъка!* («Кон за кокошка»). Разумеется, ему вручили белого коня. Однако когда он вернулся домой, жена сказала, что он, будучи черным от солнца, выглядит на белом коне «как черная чума», и велела заменить у царя белого коня на черного. Естественно, что после подобной просьбы каменотес получил вместо коня курицу. А когда вернулся с ней домой, жена рассердилась и сказала:

– *Защо си толкова глупав бре, мъжо? Дава ли се кон за кокошка?*

Каменоделецът помислил малко, погледнал камъка на сред двора и кокошката, която стояла на страни от другите птици, и отвърнал тряснато:

– *Дава се, жено! В която къща пее кокошка, в нея петел и бял кон не влизат!* («Кон за кокошка»).

Отношение к месту и роли женщины в семье проявляется в сказке и тогда, когда речь идет лишь о подрастающих дочерях. Такова, например, русская народная сказка «Петр I и мужик»:

Царь спрашивает:

– *А велика ли у тебя семья?*

– *У меня семья два сына да две дочери.*

– *Ну, не велико твое семейство. Куда ж ты деньги кладешь?*

– *А я деньги на три части кладу: во-первых – долг плачу, во-вторых – в долг даю, в-третьих – в воду мечу.*

Царь подумал и не знает, что это значит, что старик и долг платит, и в долг дает, и в воду мечет.

А старик говорит:

– *Долг плачу – отца-мать кормлю; в долг даю – сыновей кормлю; а в воду мечу – дочерей рацу* («Петр I и мужик»).

Таким образом, в народном сознании дочери воспринимаются изначально как «чужие», поскольку их судьба – в замужестве покинуть свою семью, перейдя в семью мужа. Для язычников такой переход означал ритуальную «смерть» новобрачной и ее «рождение» членом другого рода. Отсюда и повышенное внимание к ней на свадьбе. От такого взгляда ведут свое начало и сохранившиеся до наших дней обычаи брать фамилию мужа, т. к. фамилия – это знак рода, или называть «мамой» и «папой» свекра и свекровь, родителей супруга [10, с. 96].

Сказка отражает и представления о том, какие качества особенно важны для невесты. Классическая болгарская народная сказка «Сливи за смет» повествует о хитром замысле одного крестьянина искать себе невестку, продавая сливы за сор. Стоит ли говорить о том, что в невесты своему сыну он взял ту, которая принесла меньше всего, т. к. в доме не нашлось совсем, а горсточку дали соседи в награду за помощь в уборке:

– *Нямаме повече, чичо, нямаме повече смет – приплакало момичето. – То и това, дете нося, не е от нашата къща, ами ходих да помагам на съседите да изметат, та ми дадоха това за помощта.*

Селянинът, като чул това, много се зарадва.

– *Ха така, моме! Да си жива и здрава. Такава чистница като теб и толкова работна мома ще има да яде сливи, колкото си иска. Ти ще ми станеш снаха и ще бъдеш добра къщовница – рекъл сливарят и я взел за снаха* («Сливи за смет»). Таким образом, трудолюбие и хозяйственность для болгар – важнейшее качество для жены. Это подтверждают сказки «Който не работи, не трябва да яде» («Кто не работает, тот не ест») и «Галената щерка» («Балованная дочка»). В них идет речь о молодых женах, которые, будучи избалованными в родительской семье, пытались отлынивать от работы и в доме мужа. Чтобы отучить их от этого, в ход пускались голод и палка. При этом во второй сказке мать продолжает стоять на своем и не велит дочери исполнять поручения мужа, а отец велит слушаться его. И зять в награду тещу угощает соломой, а теща встречает с почтением:

– *Оо, добре си ни дошъл, дядо, как си, какво правиш!*

Сложили трапезата, яли, пили и се го щавали цяла ноц. На заранта, като си тръгнал дядото, зетят му метнал на гърба един кожух от червени лисици, изпратил го накрай селото и му целунал ръка («Галената щерка»). Таким образом, и от родителей требуется воспитать детей приученными к труду.

Подводя итоги, заметим, что болгарская сказка в подходе к «женскому» вопросу характеризуется меньшей прямолинейностью и даже некоторым психологизмом. Так, жена в сказке про овчара сама пожалела мужа и отказалась от своего любопытства, а в последней сказке каменотес действительно был уверен в своем главенстве в семье. Болгарская сказка демонстрирует более «снисходительный» взгляд на женщину: мужчина не стесняется признаваться, что слушается свою жену, и практически не идет речь о наказании ее побоями. Трудолюбие же и хозяйственность ценятся очень высоко. В целом обе славянские культуры в сказке закрепили сходные взгляды на женщину, хотя некоторые различия также могут быть выявлены.

Литература

1. Аврамова В. Лингвокультурология. Шумен : Универ. изд-во «Епископ Константин Преславски», 2007.
2. Български народни вълшебни приказки. София : Дамян Яков, 2004.
3. Български народни приказки за змейове и самодиви. София : Дамян Яков, 2004.
4. Домострой. М. : Сов. Россия, 1990.
5. Имало едно време... 101 български народни приказки. Пловдив, 2006.
6. Левкиевская Е.Е. Мифы русского народа. М. : Астрель : АСТ, 2003.
7. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева / сост. А.А. Горелов. Л. : Лениздат, 1983.
8. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева : в 3 т. / изд. подгот. Л.Г. Бараг и Н.В. Новиков. М. : Наука, 1984–1985.
9. Русские народные сказки / сост., вступ. ст. и примеч. В.П. Аникина. М. : Правда, 1985.
10. Семенова М. Мы – славяне!: популярная энциклопедия. СПб. : Азбука-классика, 2005.

* * *

1. Avramova V. Lingvokulturologiya. Shumen : Univer. izd-vo «Episkop Konstantin Preslavski», 2007.
2. B'lgarski narodni v'lshebni prikazki. Sofiya : Damyan Yakov, 2004.
3. B'lgarski narodni prikazki za zmeiove i samodivi. Sofiya : Damyan Yakov, 2004.
4. Domostroy. M. : Sov. Rossiya, 1990.
5. Imalo edno vreme... 101 b'lgarski narodni prikazki. Plovdiv, 2006.

6. Levkievskaya E.E. Mifyi russkogo naroda. M. : Astrel : AST, 2003.

7. Narodnyie russkie skazki A.N. Afanaseva / sost. A.A. Gorelov. L. : Lenizdat, 1983.

8. Narodnyie russkie skazki A.N. Afanaseva : v 3 t. / izd. podgot. L.G. Barag i N.V. Novikov. M. : Nauka, 1984–1985.

9. Russkie narodnyie skazki / sost., vstup. st. i primech. V.P. Anikina. M. : Pravda, 1985.

10. Semenova M. Myi – slavyane!: populyarnaya entsiklopediya. SPb. : Azbuka-klassika, 2005.

Reflection of notions of male and female family roles in the language of the Russian and Bulgarian folk tales

There are considered the notions of the basic family roles of a man and a woman reflected in the Russian and Bulgarian folk tales. The main attention is paid to the most important for each nation quality of a husband and a wife, as well as to those which are the most preferable for marriage.

Key words: *ethnolinguistic world picture, folklore concept, folk tale, basic values of the ethnos.*

(Статья поступила в редакцию 18.07.2014)

Ю.А. ГУРСКАЯ
(Минск)

АНТРОПОНИМИЯ КАК ИСТОЧНИК ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ И КУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ

Описывается историческая антропонимия северо-восточной части Беларуси, зафиксированная в памятниках деловой письменности Великого княжества Литовского XV–XVII вв. Характерной чертой антропонимии исследованного региона является пересечение, наложение онимических рядов, что обусловлено контактированием, взаимовлиянием разных языков и культур.

Ключевые слова: *ономастика, антропонимия, языковые и культурные контакты, интерференция.*

В настоящее время актуальной является проблема исследования фамилий как особого лингвокультурного феномена, что связано с актуализацией антропоцентрической парадигмы в гуманитарных исследованиях. Особую роль анализ ономастических материалов мо-